

Джордж Райт

Однодневки

Был двенадцатый час диастолы. Утренний туман уже развеялся, и маленькое красное солнце беспрепятственно струило свой свет с ясного до самого горизонта неба, спеша согреть пробудившийся от ночного сна мир. Внизу, в долине, было еще прохладно, но вершина Черной Скалы уже прогрелась, и Корлах с Йоллой лежали на ее теплой поверхности возле самого края, нежась в солнечных лучах. Слева и справа от них бурные ручьи, бегущие со стороны тающего ледника, низвергались в долину длинными сверкающими лентами, распадающимися в воздухе маревом брызг, окруженным радужными ореолами. Внизу, под этими сверкающими потоками, темнела глубокая синь питаемой ими реки, и на ее противоположном берегу уже пестрело бредущее через галечный пляж на водопой стадо. За пляжем зеленел широкий заливной луг, буквально на глазах расцветавший желтыми, синими, оранжевыми и фиолетовыми пятнами распускаявшихся навстречу солнцу бутонов, чей нектар скоро станет душистым медом. А уже за лугом ветвились во все стороны могучие раскидистые кроны города, переплетенные причудливой сетью лесенок и мостков. Внимательный глаз, правда, заметил бы в этой сети прорехи - за ночь обрушилось несколько мостков, но это было дело привычное, и плетельщики уже хлопотали, приводя их в порядок. Дальше террасами вдоль склона, куда река не достает даже на максимуме своих разливов, извивались разноцветные ленты ягодных полей, и, наконец, высокая зубчатая стена скал замыкала долину с другой стороны. А далеко справа, там, куда текла река, долина раздавалась в стороны, открывая синюю ширь океана с белыми мазками айсбергов.

Йолла лежала, механически покусывая травинку, и любовалась раскинувшейся внизу панорамой, а Корлах, скосив глаза, любовался Йоллой. Как и все девственницы, она не знала одежды - ткань могут лишь жены, ожидающие появления детей - и ее длинное стройное тело матово блестело на солнце. Она была не просто прекрасна - она была совершенна, как и подобает дочери Главы Рода. Чудесное творение не только природы, но и разума - результат десятков поколений отбора... Как же ему повезло, что Совет дал согласие на их брак! Корлах не удержался и нежно провел ногой по ее изящной изогнутой спине.

Девушка перевела на него игривый взгляд.

- Один день, - сказала она.

- Мне кажется, это целая вечность.

- Завтра в это время мы уже будем мужем и женой.

- Не могу дождаться!

- Но придется, - она с притворной строгостью перекатилась в сторону от него. - Все должно быть по правилам.

- Да, да, - уныло покивал Корлах. - "Контролируй свои феромоны, а не то попадешь в охламоны." Первое, чему учат в школе.

- А ты ведь был первым учеником, да? - она снова придвинулась к нему. - Иначе Совет не дал бы нам разрешения.

- Ну, по справедливости говоря, я был только вторым после Эбриля, - признал Корлах уже серьезно. - Но ему вечно снижали оценки из-за непочтительности к авторитетам.

- Вот уж с кем бы я точно не хотела, - девушка состроила неприязненную гримаску. - Хорошо, что он не пытался ко мне свататься. Его, кажется, вообще ничего не интересует, кроме его завиральных теорий. Не понимаю, как ты можешь дружить с этим ненормальным.

- По-моему, он гений, - возразил Корлах.

- А по-моему - ненормальный, - стояла на своем Йолла. - Или, если угодно - шарлатан. Вот ты правильно сказал - непочтительность к авторитетам. Знаешь, есть такие типы, которых

медом не корми, дай только поспорить с какой-нибудь очевидной истиной. Дескать, смотрите, какие вы все, и все великие умы прошлого, дураки, один я умный. Кто не может заработать собственный авторитет, тот пытается самоутвердиться, подрывая чужой.

- Он заработал, - Корлаху не хотелось спорить с любимой, но истина была важнее, да и Эбриль все-таки был его другом. - Он был главным вдохновителем экспедиции на Темную сторону - самую первую в истории! И одним из тех, кто открыл там звезды.

- Ему просто повезло, что Мост поднялся из-под воды именно сейчас, - Йолла никак не хотела унять свою неприязнь к Эбрилю. - Посмотрела бы я на этого первооткрывателя, пока не было пути через океан. Легко быть первым, если ни у кого до тебя просто не было возможности.

Это была правда - каменная гряда, уходящая за горизонт, поднялась из океана совсем недавно. До этого пути на Темную сторону, где солнце скрыто за горизонтом, и днем и ночью царит вечный мрак, не было. Плавание по океану слишком опасно из-за плавучих льдов, которые не тают полностью даже в самые жаркие часы перехода от диастолы к систоле. Еще был шанс избежать их в течение дня - но не ночью, когда весь экипаж, да и сам корабль, неминуемо заснет.

- Но много поколений считали, что на Темной стороне ничего нет, кроме океана, - возразил вслух Корлах. - А потому ни в каких экспедициях туда попросту нет смысла. И даже когда поднялся Мост - многие говорили, что он ведет в никуда, просто обрывается среди волн. Но Эбриль настоял, что надо пойти и проверить. И оказалось, что там целый континент, возможно, такой же большой, как наш, или даже еще больше.

- Но совершенно мертвый и, стало быть, бесполезный. А звезды... ну, для того, чтобы поднять голову и увидеть над собой огоньки там, где они есть, гением быть не надо.

- Эбриль надеется объяснить их природу.

- Уж он объяснит! - презрительно фыркнула девушка. - Природу солнца он уже объяснил, да. Что якобы оно вовсе не пульсирует, а болтается туда-сюда! Корлах, ну уж тут-то ты не будешь спорить, что это полный бред!

- Нуу... - промямлил Корлах.

- Все знают, что солнце - это Сердце Мира, - продолжала Йолла, излагая школьные истины. - Во время систолы оно сжимает эфир, накапливая в себе тепло, во время диастолы - отдает его миру. И это не какие-то там гипотезы, это факт, доказанный наукой! Ученые давным-давно создали модель в виде наполненного газом пузыря. Когда он сжимается, газ нагревается, когда расширяется - наоборот. А по Эбрилю, солнце вообще не пульсирует! Тогда откуда же берется тепло? Все знают, что пульсация - основа всякой жизни. Он что, считает солнце - неживым?! Тогда бы оно просто давно остыло, и все. Да и как неживое может двигаться туда-сюда, как он утверждает?

- Ну, вообще-то, это всего лишь математическая модель... довольно интересная, я ее проверял и ошибки не нашел, - молодой ученый уже забыл, что говорит со своей невестой, научный интерес полностью вытеснил игривое настроение. - То есть если предположить, что и размер, и тепловое излучение солнца есть величины постоянные, а меняется только его расстояние до земли, то это не противоречит наблюдаемым фактам. Но Эбриль уже не считает, что солнце движется...

- Ах, не считает! Ну, хоть в чем-то он взялся за ум...

- Теперь он считает, что это земля приближается к солнцу и удаляется от него.

Йолла буквально задохнулась от возмущения.

- Земля же - большая! А солнце - маленькое!

- Эбриль считает, что до сих пор мы просто неверно оценивали расстояние до солнца и, соответственно, его размеры. Потому что могли проводить наблюдения только в пределах континента. Но когда они сделали замеры с границы Темной стороны, то получили бóльшую точность за счет большей базы параллакса. Ты знаешь, что такое параллакс?

- Пусть сперва ответит, как неживое может испускать тепло и не остывать!

- Этого Эбриль пока не знает, но...

- Вот именно! И двигаться!

На этот вопрос у Корлаха был ответ.

- Ну, хотя бы вот так, - он толкнул ногой маленький камешек с края обрыва.

- Не счита... - начала девушка, но тут снизу донесся вскрик. Оба спорщика вытянули шеи через край скалы.

По крутой тропинке снизу поднимался не кто иной как Эбриль. Похоже, камень угодил ему в спину.

- Легко на помине, - проворчала Йолла.

- Извини, мы тебя не видели! - крикнул Корлах.

Эбриль пробормотал что-то вроде: "А? ты? да...", опустил голову и возобновил свое восхождение.

- Вот же принесла нелегкая, - продолжала бурчать Йолла. - Может, уйдем, пока не поздно? Мы же хотели побыть вдвоем, а не выслушивать теории этого... блаженного.

- Теперь уже неудобно, особенно после того, как мы его зашибли, - возразил Корлах.

- Вид у него какой-то и впрямь ушибленный, - попыталась скаламбурить Йолла. - Что ему здесь понадобилось, интересно?

- Быть может, он специально меня искал.

- Мог бы проявить деликатность и понять, что ты тут не один... так на чем он нас прервал? А, да. Камень - не считается. Он упал, потому что ты его толкнул, а ты - живой.

- Тогда... вот, водопад, - нашел другой пример Корлах. - Вода падает вниз, хотя ее никто не толкает. Потом испаряется во время систолы и снова поднимается вверх.

- Ледник тает и вода испаряется потому, что их согревает солнце. А оно - живое! - восторжествовала Йолла. - Во всяком случае, так считают все ученые, за исключением Эбриля.

Послышался шорох осыпающихся под ногами камешков, и над краем скалы появилась сперва голова, а затем и весь Эбриль. Вид у него и в самом деле был скверный - глаза лихорадочно блуждали, усы обвисли, панцирь потускнел, но хуже вида был исходивший от него запах - резкий запах ни с чем не сравнимого ужаса и отчаяния. Открыватель звезд и ниспровергатель научных аксиом явно позабыл первую заповедь, с которой начиналось обучение в школе. Шок, вызванный этим, был столь силен, что Корлах рефлекторно выпустил защитное облако - жест безусловно неучтивый, особенно по отношению к другу - а Йолла даже забыла втянуть яйцеклад под панцирь, как следовало сделать порядочной девушке в присутствии постороннего мужчины.

- Что с тобой? - спросил Корлах, овладев, наконец, собой. - Что случилось, Эбриль? Какая-то беда в городе? (Еще несколько часов назад, когда молодая пара отправилась на прогулку, там все было в порядке, не считая уже упомянутых и совершенно некритичных ночных повреждений, да и сейчас город выглядел, как обычно.)

Эбриль посмотрел на него, косил глаза на Йоллу (которая наконец смущенно убрала яйцеклад, но Эбриль уделил ей не больше внимания, чем куску гранита), затем опять перевел взгляд на Корлаха и вдруг выпалил:

- Что бы ты сделал, если бы узнал, что живешь последний день?

- Ну, - произнес Корлах шутливым тоном, хотя уже чувствовал, как страх пробирает его самого, - во всяком случае, не стал бы откладывать наш брак с Йоллой до завтра. И попросил бы тебя оставить нас наедине. Но, надеюсь, твой вопрос - чисто теоретический?

- Нет, - ответил Эбриль. Среди его достоинств - или недостатков - была неизменная с детства черта: врать он никогда не умел и даже не пытался.

Теперь уже Корлаху было трудно удержать контроль над своими феромонами.

- Ты хочешь сказать, что... нам грозит какая-то катастрофа? Всему городу? Нет - еще хуже? Ты вычислил это по своим звездам? По солнцу? Что-то случится с ним?

Если солнце живое, значит, оно должно когда-нибудь умереть. До сих пор официальная наука деликатно обходила этот вопрос. Эбриль, правда, придерживался другой теории, но...

- Катастрофа? Нет. Это нельзя так назвать. Объективно, я имею в виду. И оно происходит уже не в первый раз. О нет, далеко, далеко не в первый!

- Да о чем ты говоришь, убей тебя ночь?!

Это было стандартное восклицание раздражения или досады, в которое никто давно не вкладывал буквальный смысл, но Эбриль лишь серьезно кивнул:

- Именно об этом. Но, наверное, надо объяснить с самого начала, как я к этому пришел. Иначе ты не поверишь и не поймешь.

- Погоди, - Корлах вернул себе способность рассуждать практически. - Если нам грозит какая-то беда - этой ночью, когда мы будем совершенно беспомощны во сне, я правильно понял? - то сначала скажи, какая именно, пока есть время подумать, как ее предотвратить. Историей твоих выводов мы можем заняться потом.

- Да кто тебе сказал, что эти выводы вообще верные? - не выдержала Йолла.

- Ничего нельзя сделать, - покачал головой Эбриль, вновь проигнорировав ее. - Совсем ничего. Я уже пытался. Точнее, не я, а... В общем, да, все началось со звезд. С нашей экспедиции. Мы провели на Темной стороне двенадцать дней, ты знаешь - пока хватало припасов. И все эти дни наблюдали за ними. И я заметил одно обстоятельство. Звезды, как ты знаешь, движутся. Но они движутся не так, как солнце.

- Да, - кивнул Корлах, обращаясь скорее к Йолле, которая не читала отчет экспедиции на Темную сторону. - За день звезды проходят путь от одного горизонта до другого, а за ночь возвращаются обратно. Очевидно, звезды являются частью сферы, подверженной иному типу пульсаций, основанному не на изменении размера, а на повороте туда-сюда. Но это, в общем-то, тоже пульсация, хотя и необычная - основанная на скручивании, а не на сжатии...

- Я говорю сейчас не о споре "пульсация или перемещение", - отмахнулся Эбриль. - Я говорю о видимом движении по небу. Известно, что солнце тоже слегка смещается в течение дня. В начале диастолы оно левее, а в конце систолы - правее. Этого не отрицают даже сторонники теории пульсации, поскольку это - наблюдаемый факт. Они объясняют это тем, что как обычное сердце впускает в себя кровь с одной стороны, а выпускает с другой, так и солнце впускает и выпускает эфир несимметрично, что и порождает эти осцилляции. Но у солнца они полностью цикличны. За ночь оно всегда возвращается точно в то положение, в котором было в начале прошлой диастолы. А звезды - нет. В начале каждого дня они появляются чуть в другом месте, чем накануне. Эту разницу очень трудно заметить, вначале я думал, что это просто ошибка измерений - но со временем она накапливалась. Так, что к концу экспедиции это вынуждены были признать даже мои коллеги - в смысле, разницу, а не ошибку. Что означает, что за ночь звезды проходят больший путь, нежели за день. То есть продолжительность ночи должна быть больше, а солнечный цикл не совпадает со звездным.

- Либо что скорость ночного поворота небесной сферы выше, - откликнулся Корлах - Да и в любом случае, ты сам сказал - разница ничтожна...

- Любой настоящий ученый знает, что качественное различие лежит не между "много" и "мало", а между "ноль" и "не ноль"! - строго возвысил голос Эбриль. - Самое ничтожное отклонение практики от теории, если оно превосходит погрешность измерений, может быть свидетельством неверности всей теории. И существует лишь одна математическая модель, которая объясняет это простым, красивым и логичным образом. Причем из нее следует, что на самом деле разница дня и ночи отнюдь не ничтожна. Вопреки всему, что считалось до сих пор, ночь совершенно не симметрична дню. Ночью движение звезд и солнца - а точнее, движение земли относительно них - не ускоряется, а, наоборот, замедляется. Так что ночь на самом деле намного, намного дольше дня...

- Ну это уж!... - Йолла выгнула все ноги от возмущения, слыша такую неопишемую

чушь. Даже Корлах открыл рот, собираясь с ней согласиться.

- Никто не знает, сколько на самом деле длится ночь! - выкрикнул Эбриль, пресекая любые возражения. - У нас идеальное чувство времени. Один удар сердца - одна секунда. Шестьдесят секунд - минута. Шестьдесят минут - час. Шестьдесят часов - день. Всегда считалось, из соображений симметрии и ритмичности пульсаций, что и ночь длится столько же. То есть то, что мы для простоты называем диастолой и систолой - на самом деле ровно половины соответствующих фаз солнечного цикла. Но никто и никогда не пытался это проверить! Просто не мог. Потому что ночью мы спим, и наше чувство времени бесполезно. И не только мы. Ночью спит абсолютно все живое. А с неживым мы работать не умеем. В этом наша беда. На самом деле - далеко не главная, но тем не менее. Наши конечности достаточно хороши, чтобы разрезать пищу и отправлять ее в рот, а также для выражения некоторых эмоций, - он для убедительности пошевелил клешнями своих хелицер, - но для более тонкой работы они не годятся. Поэтому наша цивилизация стоит на трех основах - феромоны, мутагены, отбор. Мы изменяем живых существ с помощью мутагенов, закрепляем нужные изменения отбором и управляем ими с помощью феромонов. При этом изменять себя мы не можем, так как, во-первых, практически иммунны к собственным мутагенам, а во-вторых, по моральным соображениям - ведь абсолютное большинство мутаций летальны или вредны, и лишь крохотная доля оказывается полезной. Тем не менее, мы создали живые инструменты практически для любых задач - в том числе и для научных исследований. Организмы, чьи глаза зорче наших, чьи слух и обоняние острее наших, чьи сердца бьются быстрее наших - благодаря чему мы можем измерять время с точностью до $1/3600$ секунды. Но только днем. О ночи мы не знаем абсолютно ничего. Точнее - не знали до сих пор.

- Так сколько же она, по-твоему, длится?

- Во время экспедиции мне так и не удалось это вычислить. Но я понял, как единственным логичным образом объясняются все наблюдаемые данные. Я был прав - никаких пульсаций нет, на самом деле земля движется относительно солнца. Но не просто приближается и удаляется по прямой - или даже по сильно вытянутому эллипсу, что объясняет осцилляции. Сначала я думал именно так - во время диастолы солнце притягивает землю, а во время систолы отталкивает. Но это фактически компромисс с теорией пульсаций, а она ошибочна. На самом деле все проще и соответственно красивей, как всегда бывает в математике. Солнце притягивает землю постоянно! А она действительно движется по эллипсу - но не с внешней стороны от солнца, а вокруг него! Солнце находится в одном из фокусов этого эллипса. А само оно, в свою очередь, движется относительно звезд. Возможно - тоже вокруг какой-нибудь из них, которая находится так далеко, что воспринимается нами, как точка, особенно если сейчас солнце находится вблизи самой дальней точки своей траектории... Поэтому относительно солнца мы за каждый оборот возвращаемся в прежнюю позицию. А относительно звезд - нет.

- Нет, вы только послушайте его! - снова не выдержала Йолла. - Если, по-твоему, солнце все время притягивает землю, земля должна на него упасть!

- Она и падает, но не отвесно вниз, а как бы мимо, - пояснил Эбриль. - И все время успевает пролететь достаточно в сторону, чтобы не столкнуться. Это легко показать математически.

- Так это не то бедствие, которое нам грозит? - спросил Корлах. - Не столкновение с солнцем?

- Нет, земной эллипс стабилен, насколько я могу судить. Но его форма...

- Погоди, погоди! - вновь перебила Йолла. - Опять не сходится! Если, по-твоему, земля крутится вокруг солнца, то как тогда получается, что мы все время видим солнце на одном и том же месте? Ну, не считая этих твоих осцилляций. Тут осцилляциями не отделаешься - при переходе от диастолы к систоле Светлая и Темная стороны должны полностью меняться местами!

- Хороший вопрос, - хелицеры и мандибулы Эбриля впервые сложились в одобрительную гримасу - похоже, он не ожидал от Йоллы такой сообразительности. - Дело в том, что земля вращается не только вокруг солнца, но и вокруг своей оси. За то время, которое мы называем днем, земля успевает обойти вокруг солнца и одновременно повернуться вокруг своей оси так, что все время остается обращенной к нему Светлой стороной. А вот звезды при этом повороте действительно проходят полный путь по небу. Но на самом деле сутки вовсе не равны году...

- Не равны *чему?* - переспросил Корлах.

- Году. Так я назвал период, за который земля полностью проходит свой путь по эллипсу. Время от одной диастолы до другой, если угодно. Именно год и состоит из короткого дня и длинной ночи. А сутки, то есть время оборота земли вокруг своей оси, гораздо короче, в них даже не 120 часов, как считалось, а меньше...

- Ты, похоже, решил нас окончательно запутать! - возмутился Корлах. - Так что такое ночь, по-твоему, и сколько же она длится?

- Все дело в том, что скорость вращения земли вокруг своей оси постоянна, а скорость движения по эллипсу - нет. Она непрерывно растет с приближением к солнцу и замедляется с удалением от него. На протяжении того, что мы называем днем, эти скорости совпадают - точнее, приблизительно совпадают, поэтому мы и наблюдаем осцилляции. Полное совпадение происходит только в точке, где земля ближе всего к солнцу - то есть в полдень, или в момент перехода от диастолы к систоле, но это все неправильные термины. Я называю ее точкой перегиба. Думаю, это совпадение не случайное. А дальше скорость годового вращения снова начинает отставать от суточного, чем дальше, тем больше. И в результате Светлая и Темная сторона действительно меняются местами, причем множество раз - но мы этого уже не видим. Потому что для нас наступает Ночь. Время, когда солнце становится слишком маленьким - как нас учили в школе, хотя и объясняли это сжатием, а не удалением - и все живое в мире погружается в сон до нового дня. Я пытался вычислить продолжительность ночи по смещению звезд, но у меня недостаточно данных. Нужно знать расстояние до звезд и скорость движения солнца относительно них. С уверенностью можно сказать лишь, что ночь длиннее двенадцати дней - иначе за время, проведенное на Темной стороне, мы бы заметили, что звезды сместились на расстояние еще одного ночного сдвига. Можно было бы зайти с другого конца - вычислить длину ночи, исходя из параметров эллипса. Моя математическая модель работает, если предположить, что солнце притягивает землю с силой, которая пропорциональна его массе и обратно пропорциональна квадрату расстояния. Расстояние в точке перегиба можно найти через параллакс, но я не знаю, как определить массу солнца. В общем, и тут тупик. Так что я решил применить совершенно иной подход. Если длину ночи нельзя вычислить - остается пронаблюдать ее непосредственно.

- То есть, - потрясенно произнес Корлах, когда до него дошло, - ты решил не спать ночью?!

- Да.

- Но это же невозможно!

- "Никому до сих пор не удавалось" еще не значит "невозможно". Настоящий ученый вообще не должен употреблять это слово, пока не сможет ответить на вопрос "почему?" Почему ночью все живое должно спать? Потому что вдали от солнца становится слишком холодно. То, что дело именно в холоде, а не в ослаблении солнечного света, доказала наша экспедиция на Темную сторону. А если каким-то образом обеспечить обогрев собственного тела? Мы ведь использовали грелки во время нашей экспедиции, поскольку днем на Темной стороне тоже холодно. Но там холодно все-таки не так, как ночью, потому что туда проникает теплый воздух со Светлой стороны - по крайней мере, в пограничные районы, а мы не углублялись на Темную сторону слишком уж далеко...

- Но грелкам тоже нужно спать, - заметил Корлах. - А ничто неживое не может служить

длительным источником тепла. Во всяком случае, у нас на земле, - ядовито добавил он, намекая на теорию Эбриля, что солнце является таким источником, не будучи живым.

Грелки, о которых шла речь, тоже, конечно, были живыми организмами - крупными теплокровными беспозвоночными, у которых с помощью мутаций и отбора добились полной атрофии мышц (так что их тела расплылись в плоские кляксы, в которые удобно было заворачиваться, используя их бывшие щупальца в качестве завязок) и одновременно ускоренного метаболизма, что делало их температуру выше, чем у любых других существ - но, правда, расплатой за это была чрезвычайная прожорливость грелок. Их кормили высококалорийным медом, но даже его уходило столько, что экспедиции пришлось вернуться с Темной стороны уже через двенадцать дней.

- Да, - согласился Эбриль, - раз грелки переносят ночь без пищи, значит, и тепла они во время сна не вырабатывают. Но мне пришли в голову две идеи. Во-первых, использовать многослойные грелки. То есть просто одну поверх другой и так далее. Пока верхние слои будут замерзать и засыпать один за другим, нижние все еще будут генерировать тепло.

- И сколько грелок можно унести на себе за раз? - хелицеры и мандибулы Корлаха сложились в усмешку.

- Эксперимент показал, что больше шести не получается, - вынужден был признать Эбриль. - Этого явно не хватило бы на 720 часов, не говоря уже про больший срок. Но я придумал кое-что еще. Заражать грелки бактериями болотной лихорадки.

- Ты с ума сошел! Она же смертельна!

- Да - в обычных условиях она вызывает столь сильный жар, что организм погибает, - невозмутимо согласился Эбриль. - Убитый той самой системой, которая должна защищать его от инфекции. Грелки, у которых температура и так высокая, погибают особенно быстро. Но это днем. А в условиях ночного холода... никто просто никогда не пробовал, что получится.

- Я не о грелках! Зараза может перекинуться на тебя! - воскликнул Корлах, в то же время испытывая облегчение - если, говоря о последнем дне жизни, Эбриль имел в виду именно это, то все совсем не так страшно и, главное, предотвратимо.

- Если нет открытых ран и инфекция не попадет в пищу или воду, вероятность не слишком велика. А мне нужно было узнать истину. Так что я решил рискнуть.

- Я же говорила, что он ненормальный! - пробормотала Йолла.

- Тебе лучше выкинуть это из головы, - поддержал ее Корлах. - Если тебе не жалко себя, подумай хотя бы об угрозе эпидемии! Иначе... Эбриль, ты мне, конечно, друг, но мне придется доложить о твоих планах Совету.

- Ты не понял, - покачал головой Эбриль. - Совету я намерен доложить и сам. Но вовсе не о планах. Эта идея пришла мне в голову еще вчера. И я уже сделал то, что собирался.

Корлах уставился на него.

- Хочешь сказать, что у тебя получилось? Этой ночью ты *не спал*?

- Нет, - вздохнул Эбриль. - Точнее, да. Зависит от терминологии.

- Опять ты сбиваешь нас с толку! - вновь возмутилась Йолла.

- Поэтому я и говорю - дайте мне рассказать все по порядку! Впрочем, ту часть, как я раздобыл бактерии, я опущу. Скажу лишь, что это оказалось проще, чем получить нужное количество грелок. Старый Спрукк не хотел выдавать их мне без распоряжения Совета - куда, мол, тебе одному столько... но после возвращения с Темной стороны я все же пользуюсь некоторым авторитетом, так что мне удалось его убедить. Да, я еще не упомянул про третий элемент. Я уже знал, что холод - не единственный триггер, вызывающий сон. Во время нашей экспедиции я уже пытался с помощью грелок отложить наступление сна, чтобы продолжить наблюдение за звездами - но все равно засыпал вместе со всеми по истечении тридцатого часа систолы. Грелки устроены более примитивно - на них действует только температура. Но в наших организмах, очевидно, имеется механизм, привязанный к нашему чувству времени. Его

необходимо было сломать. Поэтому я принял экстракт красных грибов. Известно, что он нарушает восприятие времени.

- А также цвета, вкуса и запахов, - сердито напомнил Корлах. - Более того - приводит к провалам в памяти и утрате контроля над феромонами. Поэтому его употребление запрещено даже в научных целях.

- Разумеется, я нарушил все правила - в том числе проводил опыт один, никого не поставив в известность, поскольку понимал, что любой, включая и тебя, Корлах, попытается мне помешать...

- И ради чего? - воскликнула Йолла. - Рисковать карьерой, здоровьем и самой жизнью - только чтобы выяснить, сколько часов длится ночь? Это вовсе не вопрос жизни и смерти.

- Ты даже не представляешь, до какой степени ты неправа, - вздохнул Эбриль. - Итак, я заперся в лаборатории на верхушке дерева, откуда удобно наблюдать за солнцем, и в первые минуты тридцатого часа систолы - или, как правильнее говорить, тридцатого часа от перегиба - я сделал небольшие надрезы на телах грелок, чтобы гарантировать постепенную передачу болотной лихорадки от верхних к нижним, и инфицировал верхнюю из них. На двадцать второй минуте, убедившись, что температура грелки растет, а у меня, несмотря на это, появляются первые признаки сонливости, я принял грибной экстракт. Обо всех своих действиях и наблюдениях я, как положено, делал записи. Убедившись, что грелки, включая больную, успешно потребляют мед из наполненного мною резервуара, я продолжил наблюдения за солнцем, понимая, что теперь должен полагаться не на свое чувство времени, а на изменение его видимого размера. Как ты знаешь, окно лаборатории имеет весьма точную градуировку, позволяющую замечать даже очень небольшие изменения. На сорок шестой минуте, однако, я все еще не чувствовал никаких изменений в моем состоянии, кроме нарастающей сонливости - но время продолжал чувствовать безупречно - и принял вторую дозу. Дальше... дальше в моих воспоминаниях провал. Когда я пришел в себя, моей первой мыслью было, что, несмотря на все ухищрения, я все-таки заснул, и теперь проснулся в начале следующего дня, как обычно. Но я тут же понял, что в лаборатории намного холоднее, чем всегда бывает в первые минуты диастолы, и что я впервые в жизни понятия не имею, который сейчас час. А когда я взглянул на солнце... его не было.

- То есть как это не было?! - Йолла снова уверилась, что слышит какой-то вздор.

- На его месте в окне было просто пустое небо. И оно было темнее, чем обычно, хотя и светлее, чем на Темной стороне. В этом свете я попытался сделать очередную запись - но не смог. Чернила застыли и не выдавливались. Зато я увидел, что уже сделанных записей больше, чем я помнил. Первая из этих новых записей гласила: "29:54. Солнце становится радужным и звенит. Как я раньше не замечал?" Следующая, уже без указания времени - "Воздух пахнет фиолетовым треском."

- Это были иллюзии, вызванные действием грибного экстракта! - не выдержал Корлах.

- Да, я тоже догадался об этом. Искажение восприятия и смешение информации от разных органов чувств. Такой его эффект ранее уже был описан. Если верить моим записям, солнце изменило цвет еще до того, как все заснули - но никто никогда не наблюдал такого эффекта, значит, это не могло быть правдой. Следующая запись гласила: "я не сплю холод я не сплю". Потом: "Верхняя грелка мертва. Я должен выйти наружу, пока меня не замуровали, но сначала надо найти, где верх, а где низ." Дальше - "бейся о стену, это помогает". Потом - "океана больше нет он умер как грелка. Нужен новый мед." Потом - "Спрукк мертв. Все мертвы." И, наконец, "не спать не спать не спать не спать не спать не спа" На этом записи обрывались.

- Грибной бред, - повторил Корлах. - Сводящий на нет весь смысл твоего эксперимента. Даже если тебе действительно удалось не спать какое-то время, ценность сделанных наблюдений, как видим...

- Погоди! - резко перебил Эбриль. - Я же сказал - это не было пробуждением после ночи.

Это *все еще* была ночь, когда я это читал. И мое сознание было ясным...

- Тебе так казалось. Как и тогда, когда ты писал все это.

- Отсутствие солнца на привычном месте было вполне объективным фактом. Не искажение цвета, а именно отсутствие. К тому же этот факт был полностью предсказан моей теорией - суточное вращение не совпадает с годовым, поэтому ночью солнце должно двигаться по небу не в пределах дневных осцилляций, а совершая полные круги. Так или иначе, коль скоро его не было видно из окна, надо было выглянуть наружу, чтобы определить время и расстояние по его текущему положению и видимому размеру. Как я уже сказал, было очень холодно даже в наглухо задраенном помещении, так что страшно было представить, каково должно быть снаружи - но чего не сделаешь ради науки... Однако - я едва мог сдвинуться с места. Словно мой панцирь утратил гибкость, как перед линькой. Но я тут же понял, что дело не в панцире, а в грелке. В самой верхней из них - которая сделалась не только совершенно холодной, но и твердой, как камень, и сковывала все мои движения. Всего их на мне, кстати, оказалось только три. Три, а не шесть. Нижняя все еще была горячей, пышущей жаром болотной лихорадки, и согревала меня. Средняя была уже холодной и не подавала признаков жизни. Я не мог определить, уснула она, или же болезнь убила ее - ведь никто из нас никогда не наблюдал сон со стороны, ибо никому еще не удавалось бодрствовать, когда спят другие. А вот верхняя была точно мертва - она превратилась в ледяной монолит, как те айсберги, что плавают в океане. Мне не хватило ни силы, ни размеров клешней, чтобы разломать и снять ее. И тут я вспомнил запись "бейся о стены - это помогает". Странный совет - все знают, что стены жилищ мягкие, ведь это плоть живых деревьев. Но - мне нужно было как-то освободиться, и я попробовал. И действительно - после нескольких неуклюжих ударов монолит, в который превратилась грелка, раскололся на куски. Мое предположение подтвердилось - ее плоть вся целиком превратилась в лед. Но в тот момент меня это не насторожило - я полагал, что грелку убила либо лихорадка, либо голод (меда осталось совсем чуть-чуть, и тот от холода сделался очень вязким, практически непригодным к употреблению). Мне, кстати, тоже очень хотелось есть, но я не обнаружил никаких припасов - видимо, прикончил их раньше. А затем я заметил, что на полу валяются и другие такие же куски замерзшей плоти - очевидно, оставшиеся от самой первой грелки, а может, и от следующих. "Выбраться, пока не замуровали" - эта фраза тоже обретала смысл: если бы на мне смерзлись в монолит все шесть грелок, я бы, наверное, уже не смог освободиться. А потом я обнаружил, что и стены лаборатории сделались каменно твердыми, и вот это было уже необъяснимо. Мое дерево никак не могло умереть без всякой причины!

- Оно не умерло, - подтвердил Корлах, вглядываясь в очертания города внизу. - Я отсюда вижу листья и цветы на нем.

- В общем, я направился к выходу, - продолжал Эбриль, игнорируя эту реплику. - Дверь больше не была заклеена, и я понял, что уже выходил наружу, когда делал предыдущие записи. Но открыть я ее не мог - что-то ее держало. Наконец, после нескольких ударов и рывков она все же с треском отворилась. Холод снаружи был такой, что почти невозможно было дышать - каждый вдох обжигал внутренности. И... там снаружи исчезли все цвета - весь мир стал белым. И это не было следствием нарушения цветовосприятия. Просто все вокруг - деревья, землю, скалы, даже реку - покрывали лед и снег. Мы видим островки тающего снега в начале диастолы и иногда - как он начинает выпадать в конце систолы. Но тогда его немного, а тут... его было просто невероятно много. Он покрывал все, буквально все. Я понял, почему в начале дня мы всегда обнаруживаем рухнувшие за ночь мостки и лестницы. Они не выдерживают этой тяжести. Солнца, как мне показалось поначалу, не было вовсе, хотя и не было совсем темно. Но затем, покрутив головой, я увидел его над самым горизонтом, точнее, наполовину уже скрывшимся за ним, и то лишь потому, что смотрел с верхушки дерева - снизу его было бы уже не видно. Такую же картину мы уже наблюдали в экспедиции, когда пересекали границу между Светлой и Темной сторонами. Точнее, не совсем такую же. Тогда непривычным было лишь

положение солнца, но не его размер. Теперь же оно было заметно меньше, чем даже в конце систолы. Тогда я подумал, что наблюдаю конец тех же суток, когда начал свой эксперимент - но потом сообразил, что, возможно, земля успела сделать за это время еще один оборот вокруг своей оси, а может, даже и не один... Посмотрев в другую сторону, я увидел океан. Он тоже был весь белый. Воды в нем не осталось - она вся превратилась в лед. Не знаю, промерз ли он до самого дна - на таком холоде я не мог дойти туда, а если бы даже и дошел, у меня не было средств измерить толщину льда. Предпоследняя грелка стала каменеть прямо на мне - я понял, что она тоже мертва, я поспешно сбросил ее, пока этот процесс еще не завершился. Но последняя все еще была жива, и, хотя каждый мой вдох был мучительным, я понял, что должен добраться до склада, чтобы снабдить ее медом. Я, конечно, и так уже превысил все мыслимые лимиты, но я понимал, что Спрукк спит и не сможет мне помешать. К счастью, ведущие туда мостки были целы - и, шагая по ним, я заметил следы в снегу и понял, что это мои собственные. Я уже ходил на склад, когда мед кончился в прошлый раз. Дверь склада оказалась распахнута настежь - видимо, я же и оставил ее открытой, когда волок чан - а внутри на полу я увидел Спрукка.

Он был изувечен. У него не было левой хелицеры и первой левой ноги. Потом я увидел их куски, валяющиеся на полу. На какой-то безумный миг я подумал, что Спрукк пытался помешать мне забрать мед, и тогда я сделал с ним это...

- Вот почему употребление грибного экстракта запрещено! - воскликнул Корлах, с ужасом глядя на Эбриля.

-... но это, конечно, не могло быть правдой. Даже если я был не в себе из-за грибов, Спрукк должен был спать и не мог драться со мной. К тому же конечности были не отрезаны клешней, а оторваны или, точнее, отломаны. У меня бы никогда не хватило сил это сделать. Если бы к тому моменту они уже не сделались хрупкими. Такими же, как тела замерзших грелок. Куски на полу тоже представляли собой каменно твердый лед, и это меня не удивило - но точно в таком же состоянии были и оставшиеся от них культы. Спрукк не спал - он был мертв. Это было совершенно очевидно. Никаких признаков дыхания, сердцебиения, нулевая электрическая активность, полное отсутствие реакции на феромоны или свет - да и ее и не могло быть, его глаза и прочие рецепторы превратились в сплошной лед... Очевидно, я нашел его в таком состоянии уже в прошлый визит и принялся тормошить, пытаюсь обнаружить хотя бы простейшие безусловные рефлексы - а в результате лишь отломал его конечности. Сами по себе эти травмы, хотя и серьезные, не могли стать причиной смерти. Я проверил чаны с медом, но он тоже превратился в монолит, непригодный в пищу. Холод, очевидно, не лучшим образом повлиял на мою способность соображать, раз я не подумал об этом сразу. Тогда я вернулся к телу Спрукка. Я понимал, что он мертв, он не мог быть не мертв, но... мне нужно было провести окончательный анализ. И заодно, возможно, установить причину смерти. И я... нет, это нельзя назвать вскрытием. Невозможно вскрывать камень. Я просто... расчленил его на мелкие фрагменты, отламывая кусок за куском, начиная с периферийных органов и кончая центральными. Я не обнаружил никаких, даже остаточных признаков жизни. Жизнь не может существовать без обмена веществ, а обмен веществ возможен только в жидкой среде. А там не было ни капли жидкости - один только лед. И при этом никаких повреждений - кроме тех, что наносил я сам в процессе своего исследования...

- Ты убийца! - Йолла в ужасе попятилась, суча всеми шестью ногами. - Обдолбанный грибами убийца!

- Повторяю - он был уже мертв! Не только до моего второго прихода, но и до первого! Моей грелке тем временем, видимо, оставалось уже недолго, и я попытался найти на складе другие. Но все они были точно так же мертвы и заморожены насквозь. Как и остальные инструменты. На всем складе не осталось ничего живого. Ничего спящего. Только мертвое.

- "Спрукк мертв, все мертвы", - припомнил Корлах. - Хочешь сказать, это был не бред?

- Чего бы я не отдал, чтобы это оказался бред... На тот момент я все еще не понимал - а точнее, гнал от себя понимание. Я думал, что какая-то катастрофа произошла на складе. Выброс ядовитого газа, что-то вроде этого. Тогда, пока грелка еще дарила мне тепло, я пошел по другим домам. Всем подряд - знакомым, незнакомым...

- Закутанный в большую лихорадкой грелку? - возмутился Корлах. - Ты мог перезаражать весь город!

- Это уже не имело значения... Потому что всюду я видел одну и ту же картину. Я больше не проводил... расчленений, у меня, очевидно, уже и времени на это не было, но все было очевидно и так. Все были мертвы, все без исключения - разумные, животные, растения, инструменты. Я... - Эбриль запнулся, затем посмотрел прямо на друга: - я видел твой труп, Корлах. И твой, Йолла.

- Ну уж это-то точно полный бред! - воскликнула Йолла с облегчением. - Сказал бы сразу, что пересказываешь свои грибные галлюцинации! А то я уже, по правде говоря, и в самом деле испугалась...

- Посмотрите-ка повнимательнее на город, - сказал Эбриль. - Ничего не замечаете?

- Вроде там поднялась какая-то суета, - признал Корлах, приглядываясь. - Слишком далеко, чтобы уловить феромоны, но...

- Они нашли то, что осталось от Спрукка, - кивнул Эбриль. - Сегодня в первые же минуты диастолы я снова побывал там. Жуткое зрелище... когда все это оттаяло... После этого я тщательно запер склад, но, очевидно, им надоело ждать, и они выломали дверь.

- Но мы-то живы!

- Нет, - покачал головой Эбриль. - То есть, конечно, да. Мы - те, которые беседуют здесь и сейчас - действительно живы. Но жить нам осталось всего один день - то есть теперь уже даже меньше. До наступления Ночи. Потому что на самом деле нет никакого сна. Сон - это и есть смерть.

На сей раз Йолла даже не стала ничего говорить, а лишь выразила свое возмущение феромонами. Корлах все же предпочел облечь свою мысль в слова:

- То есть ты хочешь сказать, что мы не просто умрем этой ночью, но что это происходит *каждую* ночь? А на следующий день наше место занимают... некие двойники?

- Именно так.

- Но я помню предыдущие тридцать гроссов¹ дней своей жизни! Ну, конечно, не во всех подробностях, но...

- Это не твои воспоминания.

- Так, конечно, можно аргументировать что угодно, - насмешливо изогнул хелицеры Корлах. - Заявляя, что все, что собеседник знает и помнит - иллюзия. Хотя в своих воспоминаниях ты почему-то уверен, хотя именно они формировались под действием грибного экстракта...

- На тот момент уже нет. В мой первый выход наружу - да, но не во второй.

- И откуда же, по-твоему, берутся двойники? И куда, кстати, деваются предыдущие тела? И вообще, кто и каким образом устроил всю эту... чехарду?

- Никто. Природа. Эволюция, - ответил Эбриль на последний вопрос. - Просто в нашем мире жизнь не может существовать иным способом. Ничто живое не может пережить Ночь. И это, в общем-то, не проблема для всех жизненных форм - за исключением разумных...

- Но ты утверждаешь, что пережил ее? - перебила Йолла. - И видел, как появляются двойники? - "хотя я не верю ни единому твоему слову", говорили тем временем ее феромоны.

- Нет, - покачал головой Эбриль. - Я лишь попытался. Когда я понял, что сон - это смерть... понял это во второй раз, уже без грибов... моя последняя грелка уже начала остывать. И

---

¹144 (12²)

тогда я сделал последнее, что еще мог. Ввел себе ее зараженную кровь, - он перевернулся на спину, демонстрируя мягкое, не защищенное хитином панциря брюшко. В верхней части, там, куда могли дотянуться острые клешни, на бледной коже виднелся короткий надрез - уже затянувшийся, но все еще окруженный каймой воспаления.

- Ты точно безумен! - Корлах, а мгновение спустя и Йолла, отпрянули в сторону.

- Не бойтесь, я не болен. Теперь уже нет. Сегодня в начале диастолы я сделал тест. А тогда... это был единственный способ поднять температуру тела, чтобы продержаться еще какое-то время. А терять мне в любом случае было уже нечего - только выбирать между гарантированной смертью и очень вероятной... И да, на какое-то время это помогло. К тому времени уже совершенно стемнело, и я отчетливо видел звезды - звезды над Светлой стороной, которая не была больше светлой... Я даже попытался наблюдать за ними, хотя уже не мог делать записи, а каждый вдох раздирал болью мои внутренности. Но затем я увидел и кое-что еще. Самое последнее. Я увидел, как снова пошел снег. С абсолютно ясного неба. И я понял, что это было. Это замерзал углекислый газ. Весь, какой был в атмосфере, - Эбриль замолчал.

- И что было дальше? - поторопил его Корлах.

- Это последнее, что я помню. Потом холод убил меня, - закончил Эбриль почти что будничным тоном.

- Но сейчас ты жив! - воскликнула Йолла. - Ты же не хочешь сказать, что...

- Как и вы все, - развел хелицерами Эбриль. - На самом деле, все это время я вводил вас в заблуждение...

Йолла пыхнула феромонами гнева: - Так это все был идиотский...

Но она не успела произнести "розыгрыш", поскольку Эбриль продолжал, не обращая внимания на ее возмущение:

- ...когда в своем рассказе употреблял местоимение "я". Я делал это по привычке, да и иначе вы бы не поняли, пока я не дошел до конца. Но на самом деле все это делал не я, а мой предшественник. Я, как и вы, появился только в начале сегодняшнего дня. И умру в конце его.

- Но уже этот шрам доказывает, что это действительно ты, а никакой не двойник! - воскликнул Корлах. - Если, конечно, все это в самом деле не дурацкая шутка...

- Ты так и не понял? А, да. Я же не ответил на твой вопрос насчет прежних тел. Они, разумеется, никуда не деваются. Просто оттаивают, вместе со всем остальным миром, когда он снова возвращается к солнцу. Тела остаются теми же - меняется не тело, а личность. Что, собственно, только и имеет значение.

- То есть ты хочешь сказать, что в процессе разморозки личность меняется? Появляются совершенно другие воспоминания? Но это не так, есть же записи, все можно проверить...

- Нет. Воспоминания остаются теми же, что были перед смертью. Как, собственно, и все состояние организма. Я выздоровел от болотной лихорадки не потому, что это другое тело. Просто, полагаю, экстремальное охлаждение помогло иммунной системе справиться с инфекцией, не убив себя жаром...

- Тогда я не вижу, в чем проблема.

- В том, что ты умер. Точнее - умерли все Корлахи, начиная с самого первого, с едва выбравшегося из кокона детеныша. А ты, их наследник, единственный, кто жив сейчас, умрешь с наступлением этой ночи. Умрешь навсегда, необратимо. Все, кто будут потом - это уже не ты.

- Это какая-то дурацкая игра словами! - в очередной раз возмутилась Йолла. - То есть, по-твоему, мы не засыпаем и просыпаемся, как считалось всегда, а умираем и воскресаем? Но если мы при этом помним, думаем, чувствуем все, как раньше, то какая, собственно, разница?

- Принципиальная. Во сне жизнь не заканчивается. В смерти - заканчивается. Я, кстати, так и не знаю, сколько именно длится ночь. Я не успел сделать достаточно измерений, но, насколько я понимаю, я видел лишь ее начало. Но она точно длится не 60 часов и не 12 дней. Гораздо, гораздо дольше. Гроссы дней, а может, и гроссы гроссов, а то и еще более высокий

порядок. Недаром в начале диастолы мы так часто обнаруживаем произошедшие за ночь перемены, которых ничто не предвещало в конце прошлой систолы. И это не только рухнувшие мостки. Меняется даже ландшафт. Вспомните - ведь и Мост, соединивший наш континент с Темной стороной, поднялся из океана за одну ночь - хотя никто никогда не наблюдал подобных процессов днем. Все зависит от того, насколько сильно вытянут земной эллипс, и математическая модель не дает здесь никакого теоретического предела. Возможно, вторая точка перегиба, точка полуночи, находится так далеко, что солнце оттуда становится такой же крохотной точкой, как и звезды, а холодно там так, что вслед за углекислым газом замерзают и все остальные. В замороженном мире нет ни ветра, ни воды, ни разложения - только процессы глубоко в недрах, да, возможно, столкновения с небесными камнями, хотя некоторые и отрицают их существование... От одной диастолы до другой проходят целые эпохи, намного превосходящие тот срок, что мы привыкли считать продолжительностью нашей жизни - считая таковую в днях без учета ночей, разумеется, - а мы даже не замечаем этого, потому что все это время мы мертвы...

- Не замечаем, и ладно, - перебил Корлах, уловив феромоны ужаса, исходящие от Йоллы.
- Даже если это и вправду так, если на самом деле большую часть времени мы мертвы, то это, конечно, интересно с теоретической точки зрения... и, признаюсь, звучит пугающе - но только звучит. Потому что на практике для нас важно не объективное, а субъективное время. Если мы не воспринимаем ночь, какая разница, длится она одну секунду или гросс гроссов дней? С нашей точки зрения, жизнь продолжается. Смерть страшна не самим фактом прекращения жизни, а тем, что это - навсегда. А коль скоро мы снова воскресаем...

- Нет! - воскликнул Эбриль. - Ты все еще не понимаешь! Смерть *не может быть не навсегда* - даже не в силу физических или биологических законов, а просто по определению! Воскресаем вовсе не мы, а наши копии! Да - в тех же самых телах, но личность - это не тело и не мозг! Личность - это вообще не объект! Это, если угодно, процесс! Ты жив, пока ты думаешь, пока текут твои мысли, пока твой разум обрабатывает информацию. Личность - это непрерывное изменение! Смерть есть прекращение этого процесса. И после того, как он прекращен - его уже в принципе нельзя возобновить. Потому что нельзя сделать прерванное - не прерванным. Можно только начать новый процесс - пусть даже с того же места, но это будет уже *другой* процесс. Копия - не оригинал, даже если она во всем подобна оригиналу! *Такой же не есть тот же!*

- Бррр, - затряс головой Корлах, так, что даже его мандибулы заходили ходуном. - Йолла права - ты играешь словами. Если я помню себя, ощущаю себя собой, и никакой внешний наблюдатель не обнаружит разницы, то каким образом ты собираешься доказывать мне, что я - это не я?

- Когда ты мертв. Когда твой мозг представляет собой ледяной монолит. Нет ни мыслей, ни чувств, ни даже простейших рефлексов - нет совершенно точно так же, как и в трупах тех, кто умер от старости или болезни. Где находится в это время твоя личность?

- Нуу... - замялся Корлах.

- Нигде, - ответил за него Эбриль. - Ее просто нет. Она не существует. Так?

- Но потом она появляется снова!

- То, что уже уничтожено, не может появиться снова! Можно лишь создать новый объект по образцу старого. Копию, как я и говорил. Но оригинала больше нет, он уничтожен, понимаешь? В случае материальных предметов ты же не будешь с этим спорить? Представь себе, ну например, дерево. Которое мы сожгли, а прах развеяли по ветру. А потом на его месте вырастили точно такое же дерево, похожее на первое до мельчайшей веточки. Но ты ведь не будешь говорить, что это то же самое дерево?

- Деревья никогда не бывают точными копиями друг друга.

- Неважно, это теоретический пример. Допустим, нам удалось вырастить точную копию. Или речь вообще о неживом объекте - разрушили один, создали другой. Ты же не будешь

утверждать, что это тот же самый объект?

- Потому что он другой. А замерзшее и оттаявшее тело - то же самое.

- Мы говорим не о теле, а о личности! Которая в данном случае относится к телу примерно так же, как дерево - к лесу или городу, где оно растет. Лес тот же, но дерево в нем - новое, а старого больше нет и не будет. Потому что то, что уничтожено - уничтожено навсегда. В этом сам смысл понятия "уничтожено".

- Но личность не уничтожена, если в замороженном мозгу хранятся ее воспоминания.

- Личность - не объект, а процесс! Ее нет без динамики! Если все твои воспоминания записать на сушеной коже, эта кожа не станет тобой, не так ли? И даже тот, кто ее прочитает - не станет. Между сушеной кожей и мертвым мозгом нет никакой разницы! Разве что запись в мозгу сделана другими веществами, хотя чернила - тоже животного происхождения. Или тебя по-прежнему так смущает, твое или не твое тело? Ну, допустим, запись сделали на *твоей собственной* коже - что изменилось?

- Хммм...

- Вот представь, - дожимал Эбриль, - все твои воспоминания записали на коже. Потом уничтожили твой мозг. Потом дали прочитать эту запись только что вылупившемуся детенышу - допустим, он с рождения умеет читать, еще один теоретический пример. Он же не станет тобой?

- Не станет, потому что, помимо памяти, у него есть свои собственные черты характера и...

- Хорошо, хорошо. Обеспечим абсолютно точное копирование. Возьмем того же Спрукка. Допустим, пока он был заморожен, мне бы удалось разобрать его тело не на крупные куски, которые уже не соединишь обратно из-за повреждений при разламывании, а на мельчайшие элементы. На отдельные атомы.

- Атомы - это всего лишь гипотеза, - отмахнулся Корлах. - Никто никогда не наблюдал их непосредственно.

- Да, они слишком малы для наших инструментов, но только эта, как ты говоришь, гипотеза позволяет объяснить химические реакции. Почему одни вещества можно превратить в другие, а третьи в четвертые - нет. Потому что можно по-разному соединять атомы друг с другом, но нельзя превратить один атом в другой. И можно считать безусловно доказанным, что не существует никаких "атомов Корлаха" или "атомов Эбриля". Есть только атомы веществ, из которых слагаются наши тела - слагаются по-разному, но сами эти атомы абсолютно одинаковы, что доказывается их одинаковым поведением в реакциях. Так вот, если бы я разобрал тело Спрукка на атомы, записав расположения каждого из них, а потом на основании этой записи собрал обратно - после разморозки это был бы тот же самый Спрукк?

- Ну, очевидно, да.

- А если бы я точно так же собрал его из атомов, но из других? Таких же - но не тех же самых? Ни один опыт не выявил бы разницы - но ты все равно будешь утверждать, что это была бы та же личность?

- Нуу... - Корлах задумался. - А причем тут это вообще? Мы же обсуждаем обратную ситуацию - когда тело и все его атомы остаются теми же самыми...

- Мы обсуждаем, что такое личность и что такое ее смерть.

- Я вообще не понимаю, - вмешалась Йолла, - как вы можете столь цинично рассуждать о несчастном, которого Эбриль убил! Использовать его смерть для теоретических примеров!

- Я уже сказал - он был уже мертв! - огрызнулся Эбриль. - Он не испытывал ни страха, ни боли. Да, городу теперь придется искать нового кладовщика, но сам он пострадавшей стороной не является. Отвечай на вопрос, Корлах. Личность в собранном по записи теле - та же самая или нет?

- Ну... не знаю, - растерялся Корлах. - Интуитивно мне кажется, что нет, но если действительно нет никаких различий... если после разморозки новый Спрукк будет по-прежнему

осознавать себя Спрукком...

- Ты сам сказал - "новый"! Ну хорошо, усложним эксперимент. Допустим, мне удалось записать расположение всех атомов в теле Спрукка, не разрушая его. И я собрал второго Спрукка, не уничтожая первого. Оба они абсолютно одинаковы, у них одни и те же мысли, чувства и память. Но кто из них будет тем же самым Спрукком после разморозки - первый или второй?

- Первый, конечно.

- Но ведь в предыдущем эксперименте им должен был стать второй! А ведь для второго ничего не может измениться в зависимости от того, уничтожен первый или нет! Или даже я собрал по одной и той же записи не одного "второго", а дюжину! И все они разморозились одновременно! Который из них - тот самый?

Корлах окончательно смешался. Ему нечего было возразить.

- Так вот, - веско изрек Эбриль. - Разрешить возникающие парадоксы можно лишь одним единственным способом. Если мы констатируем, что личность остается собой, только пока она непрерывна. А прерывание, полная остановка всех мыслительных процессов - это и есть смерть, окончательная и бесповоротная. Все, что возникнет после - неважно, на каком материальном субстрате, на тех же атомах или других, на основании записи в мозгу или на коже - все это будут только копии. Кстати, если ты до сих пор еще зациклен на теме "то же или не то же тело", то ведь и с ним то же самое. Атомы твоего тела меняются в результате обмена веществ. Одни быстрее, другие медленнее, но на протяжении жизни тела все его ткани успевают обновиться не один раз - даже твой хитиновый панцирь. И твой мозг тоже. Но это, разумеется, никакая не смерть - потому что замена происходит плавно и непрерывно. А вот если уничтожить твое тело целиком, а потом создать другое такое же - это будет именно она. Точнее, это будет она вне зависимости от того, создадут новое тело или нет. Для тебя, который будет уничтожен, от этого ничего не изменится. Ну, разве что моральное удовлетворение, что кто-то, похожий на тебя, продолжит твои дела. Но это в любом случае будет кто-то. Уже не ты.

Некоторое время все трое молчали. Когда Корлах заговорил, Йолла устремила на него взгляд, полный надежды, что он сейчас опровергает доводы Эбриля. Но ее жених лишь произнес с мукой:

- Зачем ты рассказал нам это, Эбриль? Мы могли бы и дальше жить и ни о чем не догадываться. И радоваться жизни. Мы и все наши... будущие копии.

- Разве Истина - не высшая цель разумных? - развел хелицерами Эбриль.

- Я говорила! - истерически воскликнула Йолла, вскакивая на ноги. - Я говорила, что нам лучше уйти и не слушать этого сумасшедшего! Почему, почему ты меня не послушался?! - и она бросилась бежать прочь, по скале, потом по крутой тропинке вниз в сторону города. Корлах проводил ее взглядом, но не последовал за ней.

- И, по правде говоря, я не мог держать это в себе, - добавил Эбриль. - Я не знал, что вы здесь. Я, почти как она - шел, не разбирая дороги. Но раз уж мы встретились... а ты все-таки мой друг..

- Да уж, удружил ты мне, нечего сказать! Лучше бы ты разломал меня на куски, как Спрукка! Он, по крайней мере, умер в неведении... И главное - накануне дня, который должен был стать самым счастливым в моей жизни! А теперь выясняется, что я до него просто не доживу. И даже моя завтрашняя копия... ведь она будет все знать. С первой же минуты диастолы. И копия Йоллы тоже.

- Прости, - только и смог сказать Эбриль.

- И, главное, все ради чего? Ради чисто теоретического вопроса о продолжительности ночи. Захотелось ему, видите ли, найти объяснение крохотной погрешности в движении звезд, которых на Светлой стороне вообще не видно и о самом существовании которых еще недавно никто и не подозревал! Жили мы без этих звезд и жили бы себе дальше! Слушай, а может быть

все-таки как-то можно пережить Ночь? Даже если всем придется принимать грибной экстракт...

- Никак, если только ты не умеешь дышать жидким кислородом.

- Ну, я не знаю - выкопать герметичные убежища глубоко под землей...

- Вряд ли их удастся согреть так долго. И выращивать растения без солнечного света - а без них нет ни всей пищевой цепочки, ни кислорода. Да и, главное - за день ты их не построишь. Ты действительно хочешь потратить единственный день твоей жизни на строительство, результатов которого не увидишь? Вот и другие не захотят.

- Ну, вообще-то, не так уж мало разумных берутся за работу, результат которой не надеются увидеть при своей жизни.

- Когда они считают, что эта жизнь будет длиться полгросса гроссов дней. А не единственный.

- Мне кажется, - медленно произнес Корлах после паузы, - они не захотят по другой причине. Просто отмахнутся от твоих аргументов. Мне ведь и самому трудно было их принять, а я все-таки имею отношение к науке. А простые горожане будут упорно стоять на том, что раз тело то же самое, то и личность та же самая, а смерть или сон в данном случае - всего лишь вопрос терминологии.

- Ради которого не стоит не только много дней тяжело трудиться, - подхватил Эбриль, - но и, главное, лезть потом на всю жизнь в какую-то тесную пещеру, где строго ограничено все - от еды до воздуха, вместо того, чтобы продолжать наслаждаться привычной жизнью на поверхности. Да оно, наверное, и в самом деле не имеет смысла. Даже если бы это убежище было уже готово - я не уверен, что хотел бы туда лезть. Сегодняшний день все равно был бы для меня последним *нормальным* днем, а все, что потом... лучше уж, наверное, умереть сразу, чем эта растянутая агония без надежды когда-нибудь снова увидеть солнце и вдохнуть свежий воздух. Хотя, конечно, тогда я бы смог точно установить продолжительность ночи и длину земного эллипса... но даже ради этого единственного открытия - к тому же уже чисто количественного, а не качественного - провести всю жизнь в подземелье как-то не тянет. Наверное, я недостаточно хороший ученый.

- Ты гений, - искренне ответил Корлах, - только лучше бы ты им не был.

Снизу донеслось цоканье ног, но это не была возвращающаяся Йолла. На скалу поднялись трое стражников, официально именовавшихся Помощниками по поддержанию порядка. Увидев друзей, они переглянулись между собой, словно в смущении, затем старший из них выступил вперед.

- Эбриль! - объявил он официальным тоном. - Кладовщик Спрукк умер при странных обстоятельствах... очень странных. А тебя видели выходящим из помещения склада в самом начале диастолы. Совет хотел бы выслушать твои показания по этому поводу, и нам предписано сопроводить тебя, - он выпускал феромоны, требующие подчиниться, но его голос звучал неуверенно. Самыми серьезными задачами, с которыми обыкновенно сталкивались Помощники, было унять расшалившихся детей или загнать в стойло отбившуюся от стада многоножку. Случалось, кто-то перебирал нектарной настойки и не мог самостоятельно взобраться на свое дерево, или же чересчур бурно реагировал на феромоны противоположного пола - но чтобы один разумный убил другого?! О таком в городе не слыхали уже много поколений. А Эбриль к тому же, хотя и имел прежде неоднозначную репутацию, сильно укрепил свой авторитет после успешного возвращения экспедиции на Темную сторону.

- Но если тебе нужно прежде закончить беседу с Корлахом, мы подождем, - поспешно добавил второй стражник. - К Корлаху у Совета вопросов нет.

- Не беспокойся, Эбриль, - добродушно прибавил третий, - все понимают, что ты такого не делал. Просто успеть не мог, с начала диастолы-то считанные минуты прошли, а там... такое было, что быстро не сладить. А в конце систолы Спрукк живой и здоровый еще был, нашлись уже свидетели. Словно его прямо ночью какой зверь растерзал, но ведь не бывает таких зверей,

что ночью не спят! В общем, и впрямь странное дело, но и жуткое, конечно. Совет-то, наверно, просто консультацию получить хочет, ты же у нас ученый. Но ежели тебе прямо сейчас неудобно...

- Я пойду с вами, - перебил Эбриль. - Мне действительно есть что рассказать Совету.

- Не говори им, - негромко и быстро произнес Корлах. - Не рассказывай вообще ничего.

Зачем? Кого это сделает счастливым?

- Я должен, - покачал головой Эбриль. - Совет должен узнать правду. Да и, в любом случае, то, что открыл один ученый, рано или поздно откроет другой.

Он шагнул к Помощникам, и они обступили его, в то же время стараясь показать, что это скорее дружеская компания, чем конвой.

- А ты-то, Корлах, - повернул голову старший, - никак с Йоллой поссорился? Мы видели, как она отсюда бежала - совсем не в себе была девка, чуть с тропы нас не столкнула...

- Ничего серьезного, - ответил Корлах деревянным голосом, всеми силами контролируя свои феромоны.

- Ну да, милые бранятся - только тешатся... Она, конечно, балованная, дочь Главы Рода, как-никак - но все равно, хорошая девчонка, ты уж ее береги, Корлах, не всякому так везет.

Завтра же свадьба-то у вас?

- Да, - произнес Корлах все тем же деревянным тоном. - Завтра.

- Совет выслушал тебя, Эбриль. Теперь ожидай нашего решения.

После того, как за Эбрилем закрылась дверь (ведущая не наружу, а в не имевшее других выходов помещение в толще ствола), в Зале Совета некоторое время висело тяжелое молчание. Лишь в воздухе нет-нет да прорывался слабый запах феромонов ужаса и отчаяния, но он был едва различим. Члены Совета хорошо контролировали себя.

- Всего ужаснее то, что он прав, - заговорил, наконец, Хрогр, Глава Рода. - Я не нахожу ошибки в его логике.

- А мне кажется, что это полный абсурд - определять, живы мы или мертвы, в зависимости от каких-то теоретических рассуждений, - проскрипел старейшина Тфарль. - Если Эбрилю охота верить, что прошлой ночью он умер, это его трудности. Лично я ощущаю себя вполне живым. Вон даже третья правая нога ноет так же, как вчера...

- Он не говорит, что мы мертвы, - заметил его сосед Гракк. - Мы живы, но живем только один день. А вчерашние мы - это не мы, и завтрашние тоже.

- Лично я ощущаю себя собой, - упорствовал Тфарль, - и только это и имеет значение. Во всяком случае, для меня. А во что там верит Эбриль, мне нет дела.

- Этак ты можешь заявить, что никакой смерти вообще нет, - состроил насмешливую гримасу Гракк. - Не только той, о которой говорил Эбриль, но и той, что в любом случае когда-то ждет нас всех. Мол, пока ты жив - ты жив и не веришь, что когда-нибудь умрешь. То, что умирают другие - для тебя не доказательство, ведь они - не ты. А когда ты все-таки умрешь - осознать, что был неправ, уже не сможешь. То есть доказать тебе, что ты смертен, нельзя в принципе - но это же не значит, что на самом деле это не так.

- О своей смерти думай, а не о моей, - огрызнулся Тфарль, который был почти вдвое старше оппонента.

- А по-моему, ключевое слово здесь - "доказательства", - произнес старейшина Йубрих. - Все, что мы здесь слышали - это только слова Эбриля.

- Он говорил правду, - возразила Аррла, единственная женщина в Совете. - Его феромоны это подтверждают.

- Он говорил то, что считал правдой, - уточнил Йубрих. - Но мы знаем, что его сознание было помрачено сперва грибами, а потом жаром болезни.

- Но Спрукк действительно был убит и расчленен ночью, - заметил Ллорхель,

возглавлявший службу Помощников. - Днем у Эбриля не было на это времени.

- Да, видимо, он действительно не спал ночью какое-то время, - согласился Йубрих, - что только подтверждает его ненормальность. Все нормальные разумные - и даже неразумные - ночью спят.

- Но его слова легко проверить, - напомнил Гракк. - Его опыт могут повторить несколько добровольцев. Само собой, не расчлняя больше никого из разумных... или тела разумных - а только лишь животных. Если описанное Эбрилем - это бред, то он у всех будет разный. Но если описания совпадут у всех экспериментаторов...

- Нет! - резко перебил Хрогр. - Никто и никогда не будет повторять опыт безумного Эбриля. Никто и никогда, кроме находящихся в этой комнате, не должен узнать и даже заподозрить о нем. Эбриль, обуянный гордыней и жадной во что бы то ни стало доказать свою ложную теорию, нарушил все нормы безопасности, которым должен следовать не только ответственный ученый, но и всякий законопослушный горожанин - употребил запрещенные вещества, подверг город угрозе болотной лихорадки, а в конце концов, окончательно обезумев, с небывалой жестокостью убил одного из разумных, верой и правдой служившего городу. Как гласит древний закон, справедливость есть воздаяние равным за равное. Эбриль, отнявший жизнь одного и поставивший под угрозу жизни многих, должен умереть сам.

- Известие о его казни может вызвать возмущение в городе, - заметил Ллорхель. - Для кое-кого из молодежи он чуть ли не кумир.

- Ммм... да, пожалуй, ты прав, - признал Хрогр. - Но разве я говорил о казни? Я говорил лишь о справедливости. Эбриль сам избрал свою судьбу. Он заразил себя болотной лихорадкой и умрет от нее. Известно, что заболевают ею не все, но уж тот, кто заболел, почти никогда не выздоравливает, и Эбриль тоже не станет исключением. А мы лишь обеспечим меры по недопущению распространения заразы. Дом и лаборатория Эбриля со всеми его вещами и записями будут сожжены, дабы гарантированно уничтожить инфекцию. Помощники, доставившие Эбриля сюда, будут допрошены по одному, и их диагноз подтвердится или не подтвердится в зависимости от того, успел ли он им что-то рассказать. Да, и, разумеется, никаких экспедиций на Темную сторону больше не будет.

- Как ты намерен обосновать такой запрет? - язвительно осведомился Гракк.

- Очень просто. Со всеми участниками экспедиции по одному тоже вдумчиво побеседуют. И они публично признают, что Эбриль подбил их на сговор и обман. Дабы снискать дешевую славу, они выдумали все свои так называемые открытия. На самом деле нет никаких звезд, и на Темной стороне они тоже не были. Это и невозможно, ибо никакой суши там нет. Каменная гряда, как и предупреждали авторитетные разумные с самого начала, просто обрывается посреди океана. Они просто просидели какое-то время на этих камнях, а потом вернулись рассказывать свои небылицы. После того, как они публично признаются в обмане, любые идеи подобного рода будут дискредитированы навсегда.

- А если кто-то из них не захочет признаваться?

Хрогр дернул хелицей:

- Никакая жертва не чрезмерна, чтобы спасти наших соплеменников от знания того, что сообщил Эбриль. Отныне мы обречены нести ужас этой ноши... мы и все, кто будет приходить нам на смену в каждый следующий день... но мы обязаны защитить от этого остальных. Полагаю, это ясно всем присутствующим... независимо от того, поверили вы Эбрилю или нет. Так что прошу голосовать за перечисленные меры.

Он называл имена в порядке старшинства, и члены Совета один за другим отвечали утвердительным жестом. Однако, когда очередь дошла до Гракка, тот не поспешил выразить согласие.

- Есть еще два свидетеля, - жестко напомнил он.

- Корлах мог заразиться лихорадкой от Эбриля... - начал Хрогр, но тут в наружную дверь

постучали. Получив разрешение, вошел один из Помощников.

- Печальное известие для Главы Рода, - объявил он, складывая хелицеры в скорбном жесте.

- Говори.

- Тело Корлаха только что нашли у подножия Черной Скалы. По всей видимости, он оступился и сорвался в пропасть. Соболезную, Глава Хрогр.

- А Йолла? - поспешно спросил Хрогр.

- Йоллы там не было.

- Что ж, значит, вместо свадьбы будут похороны, но такова судьба. Ступай и распорядись обо всем... Похоже, - добавил Глава, когда Помощник вышел, - все устраивается к лучшему.

- Корлах сам избавил нас от проблемы, - согласился Гракк, - но остается Йолла.

Повисла пауза. Некоторые члены Совета отводили взгляд от Хрогра, другие, напротив, требовательно смотрели на него.

- Моя дочь будет молчать, - глухо произнес, наконец, Глава Рода.

- Ты не можешь гарантировать этого, Глава Хрогр. И никто не может.

- Я поговорю с ней. Убежу ее, что все, рассказанное Эбрилем - просто бред, не стоящий внимания.

- Ее жених, покончивший с собой из-за этого "брета", так не считал. И, полагаю, для нее это аргумент.

- Хорошо, хорошо. Тогда мы объявим безумной ее саму. Ее разум помутился от горя, когда она узнала о гибели жениха. Никто не станет слушать, что говорит сумасшедшая.

- Боюсь, что это тоже недостаточная гарантия.

- Что ты от меня хочешь?! - беспомощно воскликнул Хрогр.

- Справедливости, Глава. Ты сам сказал - никакая жертва не чрезмерна, решая участь чужих детей, а теперь пытаешься сделать исключение там, где дело касается тебя лично? Я не буду голосовать за несправедливое решение.

Хрогр молчал две минуты. Теперь уже все члены Совета смотрели на него - и скорее требовательно, чем сочувственно.

- Хорошо, - резко бросил он наконец. - Завтра вместо свадьбы пройдут двойные похороны. Способ позволь мне выбрать самому. Ну, ты доволен? Вы все довольны?

Гракк демонстративным жестом утвердительно поднял хелицеру.

- Принято единогласно.

"В конце концов, - добавил Хрогр про себя, - и мне, и ей в любом случае осталось страдать совсем недолго. А будущие Хрогры... у меня есть долг перед Родом, но не перед ними."